

ГОРЬКИЙ НА СЦЕНЕ в ГОРЬКОМ

„ЕГОР БУЛЫЧЕВ“ В I ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Для театра работа над «Егором Булычевым» представляет собой задачу радостную и почетную и одновременно чрезвычайно трудную, ибо найти такие яркие и выразительные формы сценической изобразительности, которые дали бы горьковским образам живую, осязаемую конкретность, можно только с позиций очень передового, последовательного понимания политических и творческих задач, стоящих перед советским театром. При асоциальном подходе неизбежно рухнет все идейное здание пьесы, требующее классово заостренной характеристики (а часто и «доделки») персонажей, четкой расстановки оценочных сил.

Первый горьковский драмтеатр поставил реалистически яркий спектакль и верно передал содержание горьковских образов. Режиссер **Ведерников** и коллектив актеров создали богатую и разнообразную галерею характеров, добившись в некоторых случаях той законченности в характеристиках, которой не хватает ряду горьковских персонажей. В качестве особенно разительного примера сошлемся на образ **Тяпина** (арт. **Яшиковский**). Тем обиднее, однако, признать, что этого «запала» театру нехватало на ответственный образ **Достигаева**, который вместе со всей семьей в передаче нашего театра выглядит незаконченно и бледно. Незаконченность, недоделанность ощущается и в некоторых других персонажах, но в целом перед нами достаточно развернутое и верное изображение русской предреволюционной буржуазии.

Театр правильно подчеркнул сцены, показывающие социально-идейный смысл происходящих событий (спор Булычева с **Павлиным**, ссора с **Меланией**, беседа с **Шуркой** и др.). Однако некоторая расплывчатость режиссерских замыслов мешает мощному и величественному развитию горьковской мысли. Нельзя признать удачным и оформление (худ. **Кигель**). Натуралистически старательное, оно мало дает для познания «духа» булычевского дома. Вообще упрек в некоторой натуралистической бледности можно бросить театру. Ему чужда напряженная острота, театральная броскость характеристик, тона, мизансцен. Даже такая искрометная сцена, как сцена с трубачом, приобретает в трактовке театра черты нудного правдоподобия, заурядности.

Лучшие достижения спектакля сконцентрированы в образе замого **Егора Булычева**. Обои исполнителям этой роли — **Освецимскому** и **Юдину** — удалось создать большие, сложные характеры, свидетельствующие о правильном понимании актерами горьковского задания.

В Булычеве **Освецимского** с большой силой и яркостью вскрыта его мятежность, настоящая, неутомимая жажда правды, отчаянная ненависть ко всякой лжи, фарисейству. В этом, крепко скроенном, крижистом человеке с крутым лбом, который не закрывает редущие прилизанные рыжие волосы, с умными внимательными глазами и большим влажным плотоядным ртом, живет напряженная жажда деятельности, решительная властность деспотичного, знающего себе цену хозяина. Хозяином в жизни чувствует себя Булычев **Освецимского**, с животной жадностью хватающийся за нее, проклиная смерть, с гневом отталкивающий ее костлявую руку. Но он уже повержен ниц, этот отчаянный жизнелюбец, привыкший хапать и мять жизнь руками талантливого стяжателя, умного и предпринимчивого собственника. Историю трагической смерти Булычева вдум

Павлин — Brosевич, Егор Булычев — Юдин

чиво раскрывает перед зрителем **Освецимский**. Он показывает идейную обреченность, опустошенность своего героя. Смелый озорник, срывающий с бога, церкви и окружающих маску лжи, Булычев сам внутренне пуст. Разедающий скептицизм, цинизм его мышления чужд ясной положительной перспективе. Он сам в тупике, всю жизнь прожив на «чужой улице», он уже не имеет выхода с нее. Смерть настигает его как неизбежный, справедливый итог длинной суммы ошибок и преступлений его класса.

Булычев **Освецимского** — образ большой сложности, огромной эмоциональной насыщенности, проникнутый четким пониманием своеобразной и вместе с тем глубоко типичной для капитализма природы этого горьковского создания.

У **Юдина** Булычев лишен той интеллектуальной желчи, страстности, взволнованности, которой насыщен этот образ у Горького. Булычев **Юдина** крепче ощущает свои связи с окружающей его средой, в его презрении к ней слышится привычная вялость, утомленность, он чужд героическим, «озорным» всплескам Булычева-**Освецимского**. Ненависть отчаяния заменена в нем умной насмешкой, издевкой. Страстности и горячности нет в его протесте. «Отче наш» — тяжело шепчет он слова молитвы и с тоской, уныло стонет: «Вранье, везде вранье... Вот черти». У **Освецимского** здесь напряженный взлет протестующей, ниспровергающей мысли, у **Юдина** — вялый пессимизм человека, не знающего, не чувствующего другой правды.

В пределах этой характеристики **Юдиным** проделана большая и умная работа. Созданный им образ поражает тщательностью разработки.

Чрезвычайно высокой оценки заслуживает также работа **Ничай** над образом **Шурки**. Подвижная, энер-

гичная девушка с сияющими блестящими глазами и, как у отца, чуть-чуть большим ртом. **Шурка** **Ничай** — вся напряженное движение, озорство, она вся проникнута стремлением вырваться из затхлой атмосферы родного дома на простор сильных страстей, яркой и смелой жизни. В мальчишески угловатом широком жесте ее, в резком высоком смехе чувствуется неистребимая жизнерадостность и напористость. Зритель постоянно чувствует, что, «эпатируя» своей задорной веселостью чопорность и фальшь окружающих, **Шурка** сама напряженно думает, ищет, отрицает. С большой силой убедительности эти стороны образа проступают у **Ничай** в таких сценах, как объяснение с **Пятым**, как взволнованная беседа с отцом о жизни.

По-детски наивная, капризно требует она от **Лаптева** правды о революции. С неожиданной серьезностью, мрачно, угрюмо заявляет она испуганному **Пятому**: «Хочу кокеткой быть, как **Нана** у **Зоя**».

В финале восторженно завожженная светом, шумом манифестации, дерзновенными песнями, **Шурка**, вся вытянувшись, с растрепанными космами рыжих волос стоит у окна. Она опьянена, покорена той яркостью и новизной, которая раскрылась ее глазам. И зритель верит, догадывается, принимает, что **Шурка** уйдет из булычевского дома.

Яркие, социально заостренные характеры создали также артисты — **Рождественская** (**Ксения Булычева**), **Бросевич** (**Павлин**), **Григорьев** (**Башкин**).

Зритель уходит со спектакля вооруженным богатым и наглядным знанием истории классовой борьбы, зараженным ненавистью к врагу.

ЕВГ. СУРКОВ

Современное искусство 8 сент. 1933